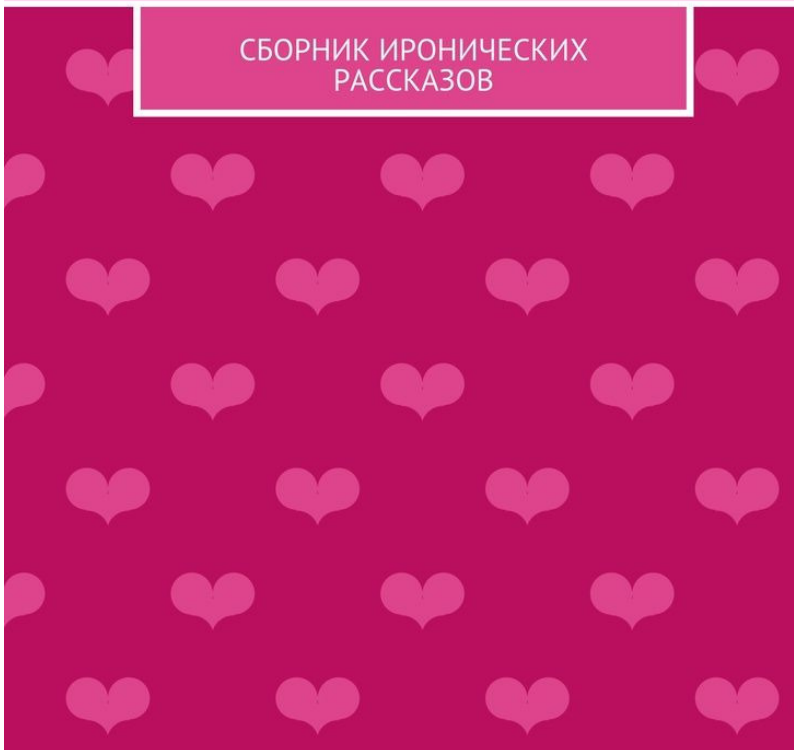

18+

НЭЛЛИ СТРЕЖНЕВА

Нескучный винегрет

СБОРНИК ИРОНИЧЕСКИХ
РАССКАЗОВ

Нэлли Стрежнева
Нескучный винегрет. сборник
иронических рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71971471
ISBN 9785448311550

Аннотация

Забавные новогодние и рождественские истории. Авантюра, приключения на грани фола, гадания, сюрпризы и конечно же любовь.

Содержание

Муза	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Нескучный винегрет сборник иронических рассказов

Нэлли Стрежнева

© Нэлли Стрежнева, 2016

ISBN 978-5-4483-1155-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Муза

Лев Натаныч посмотрел на часы, стрелки которых давно перевалили за полночь, громко хлопнул крышкой рояля и не раздеваясь рухнул на расстеленный с вечера диван. В ту же секунду подскочил на ноги и вернувшись к инструменту, широко взмахом руки разметал по сторонам стопку нотных листов. Почему так? Ну почему? Столько лет, позабыв про сон, покой и даже личную жизнь, он как проклятый трудился на телерадиокомпанию, сочиняя оды, увертюры, пьесы и даже марши. Да что там марши? Вспомнить хотя бы полонез для «Невесты Миллионера» ла-ла-ла-лалам-ла-ла... лалам... или космическую музыку к научно-фантастической передаче про инопланетян бу-бу-бум... бу- трам- пам та-ра-рам.. бумбу-у-у- рарамм...

И вот теперь, когда его мечта готова была сбыться, заказ на мелодию к художественному фильму про любовь, отдали этому молодому выскочке Лишайкину. Боже, да только представьте эту фамилию в титрах. Музыка Ильи Лишайкина. Тьфу! Смешно же, ей богу. То ли, Лев Блинов! Лев Блинов! Ого-го! Звучит!

А Потапов еще, гад такой, жмет руку, да приговаривает, – Уступим, Лев Натаныч, молодежи дорогу.

Знает он эту молодежь! Поди знакомые или родственники в кинематографическом совете у мальчишки, вот и пробива-

ют. Молодёжь... Пфф... А он в свои сорок уже стар что ли? Все, списали Лёвика за ненадобностью? Ничего-ничего, он еще всем покажет чего стоит! Вот прямо сейчас возьмет и такое произведение напишет, что мурашки по коже и сердце в комок! Сам Потапов в ноги упадет и будет прощения просить, да умолять взяться за работу над фильмом.

Лев Натаныч сел за рояль и легко пробежался пальцами по клавишам. Повтор, опять повтор! Хочется чего то взрывного, волшебного, а получается сплошная тягомотина.

Пам парам... парам па-а-а... – напевал он, потом наигрывал и снова напевал, но мелодия, которая должна была вознести его на пьедестал, не спешила рождаться. От накатившей обиды, он сплюнул в цветочный горшок и во всю дурь застучал по клавишам. -Мда... под такие аккорды только беглых каторжников к месту казни сопровождать.

Соседка сверху заколотил по батарее, призывая разошедшегося сочинителя к тишине, а затем не поленилась выйти на балкон, что бы фальшивым контральто с хрипотцой оповестить всю округу, что она думает об исполнителе и о музыке в целом.

Разозлившись, что творческий процесс так безжалостно сорван горластой бабой, Лев Натаныч нарочито громко, на басах, проиграл похоронный марш и устроившись поверх одеяла, замурлыкал себе под нос, не оставляя надежду нащупать нужный мотив.

Искрутившись и измучившись, он стал проваливаться в сон, как вдруг из неоткуда донеслись негромкие напевы. Прислушиваясь, он боялся пошевелиться, что бы не вспугнуть ласкающую слух мелодию. Тихая, нежнейшая, как лунный свет, она заполняла комнату, заставляя сердце композитора вибрировать и сжиматься в комок. Он растер покрывшиеся мурашками предплечья и приподнял голову, что бы не пропустить не единой ноты, как вдруг... Вршх... Вршх...

Лев Натаныч мгновенно слетел с кровати и бросившись к открытому окну, застонал от досады. Старая дворничиха, нисколько не заботясь о спокойствии жильцов в столь ранний, утренний час, усиленно скребла метлой по пыльному асфальту.

– Вот же, су... – выругался он и хлопком заперев окно на обе щеколды, прислушался, пытаясь уловить взбудоражившие душу напевы. Тишина и не более! Лишь только приглушенное вршх... вршх... доносится с улицы. Чтоб ее подняло, да хлопнуло! Приспичит же спозаранку двор мести, когда гении создают.

Лев Натаныч подошел к роялю и проиграл по памяти навязчивую утренней прохладой мелодию. Да, это было несомненно то, чего он так упорно добивался. Волшебные, чарующие звуки. Ну, Лишайкин, держись, уделает тебя Блинов по полной программе.

Мелодия была такой легкой и приятно-навязчивой, что

Лев Натаныч не переставая напевал ее под душем, за завтраком и даже по дороге на работу.

*

– Натаныч, а ты чего сияешь, как самовар начищенный? Миллион выиграл? – столкнувшись с композитором в лифте, спросил Потапов, заведующий музыкальной частью.

– Музыка мое счастье, а ни какие то там материальные ценности! – ответил тот, не прекращая напевать свое утреннее творение.

– Постой, что это у тебя? – прислушался Потапов, -Ну-ка... ну-ка... замечательно как...

– Да так, набросочки, лично для себя. У вас то, Пал Юрьич, теперь новый композитор в фаворитах. Как там его... Лишай... эээ... Лишайкин! Хых... смешно, ей богу!

– Не зарывайся, Натаныч. Мы одна команда.

– Как же, одна! А в титрах только одного запишут. А фильм то про любовь! Про любовь! А у пацана еще даже усы не выросли, разве сможет он вложить в музыку страсть, жар, чувства?

Выходя из лифта, мужчины столкнулись с растрепанным и возбужденным Лишайкины. Он ухватил Потапова за руку и потащил в сторону репетиционного зала.

– И вы, Лев Натаныч пойдете, -опомнился он через пару секунд, – Такое покажу... такое...

Не успев оказаться у инструмента, молодой композитор сразу же утопил пальцы в клавишах, заставив присутствующих вздрогнуть от звука первых аккордов.

Нужно признать, мелодия была неплоха, Блинов непринужденно принялся раскачиваться и притопывать в такт ногой.

– Ну, как? Как? – закончив игру, потирал руки довольный донельзя Лишайкин.

– Недурственно! Волнительно, страстно! Вот только, чего то не хватает... – почесал нос Потапов

– Чего? – напрягся молодой композитор и даже кажется побелел от волнения.

– Нежности.

– Эээ...

– Да-да, Илюша, нежности. Все у тебя бум, да бах... А завершенности нет! А ну Натаныч, наиграй, что там у тебя сочинилось?

– Да это... еще сыровато, не доработано, – стал оправдываться Блинов, но руководитель стукнул кулаком по крышке рояля и грозно сдвинул брови, – Не ломайся, как девка на первом свидании, садись к инструменту. Сейчас сообщаем покумекаем и доведем до ума.

Лев Натаныч сел на табурет, пару раз обернулся вокруг оси, подгоняя его под свой рост, затем выпрямил спину и вскинув руки, заиграл. Неземная мелодия, пронизанная нежностью и счастьем заполнила зал, а Потапов тыча в бок своего протеже, зашептал. – Вот тебе и основа готова! Заби-

рай и пляши дальше!

– Что значит забирай? – оборвав игру, подскочил со стула Лев Натаныч.

– А то и значит, что Илья сейчас займется аранжировкой и к вечеру предоставит нам конечный результат.

– Но это моя мелодия! Моя! – брызгая слюной возмутился Блинов.

– Да, брось, дорогой, твоя-моя... Детский сад, чес слово...

– Да я ночь не спал, я столько трудов положил, столько сил...

– Премию выпишу.

– Сейчас! Сегодня! Сию минуту!

– Ну вот, а говорил, что не в деньгах счастье. И не стой над душой! Иди, трудись над мелодией к финальной сцене.

Лев Натаныч замер и вдруг бросившись к Потапову, энергично затряс ему руку. – Спасибо, спасибо, что доверяете. Я превзойду сам себя, я такое напишу... такое...

– Остынь, Блинов, – недовольно скривился Павел Юрьевич, – Это для подстраховки, вдруг Лишайкин снова опарфинится?

– Для подстраховки не буду!

– Эт почему еще? Иль тебе унизительно в тандеме с молодым композитором работать? А ну прислушайся, как шурует? А? Ты сырье принес, он из него конфетку вылепит. Все в выигрыше!

– Я завтра полностью готовую композицию представлю.

От начала до конца оформленную, такую, что ни убавить, ни прибавить! И отдам с условием, что моя фамилия будет вписана в титры!

– Посмотрим-посмотрим, -рассмеялся Потапов и напевая сочиненную Блиновым мелодию, пританцовывая вошел в свой кабинет.

День тянулся, как резиновый, обида горячей занозой сидела в мозгу, мешая Льву Натанычу сосредоточиться и начать работу над музыкальным оформлением к рекламному ролику, не говоря уже о обещанном Потапову шедевре. Едва дождавшись вечера, он забежал в кассу за премией и на приглашение кассирши, Елены Сергеевны, прогуляться по осеннему парку, лишь небрежно махнул рукой.

– Некогда мне ерундой заниматься. Работы невпроворот.

– Жаль, -вздыхнула она и покрасневшись отсчитала Блинову его положенное вознаграждение.

По дороге домой, Лев Натаныч завернул в магазин и прихватив свое любимое «Жигулевское», да пачку страшно дорогих фисташек, (ведь заслужил же!) заспешил домой, что бы незамедлительно окунуться в мир музыки.

– Сосед, обождите! – со стороны второго подъезда к нему навстречу бежала старшая дома, препротивнейшая Агния Мехтиевна.

Опять начнет деньги кланчить на ремонт подъезда или

на песочницу для детей. Он на всяких случай покрепче сжал в руке остатки премии и приготовился дать нешуточный отпор дотошной тётке. Сократив расстояние до минимума, тяжело отдуваясь, оправдомша сложила на груди руки и сбившимся, от быстрого бега, голосом, заговорила, - Что же вы, уважаемый сосед, о подселенке своей умалчиваете?

– О ком? – судорожно соображая в чем он успел провиниться, наморщил лоб Лев Натаныч.

– Ну вот те раз, я как посмотрю, никому дела до порядка во дворе нет!

– Да что собственно случилось? – не сдержался Блинов, - Мне работать нужно, а вы меня пустыми разговорами отвлекаете.

– И вот насчет работы кстати, соседи жалуются, а в частности, Старокопытова Люсьена Алмазовна, на шум по ночам из вашей квартиры. Впредь будьте добры, до одиннадцати заканчивать свое пиликанье.

– Пиликанье? Да как вы смеете? Мою музыку... Ох, да о чем с вами необразованными разговаривать?

– Эээй, аккуратнее на поворотах, лучше признайтесь, вы этой девице позволили под вашим балконом поселиться?

– Какой девице? – икнул Лев Натаныч.

– Здрасьте приехали! Весь двор гудит, что у Блинова под балконом вот уже второй день как бомжиха поселилась, а сам Блинов не в курсе?

– Знать не знаю ни про какую бомжиху! Или вы думаете

мне делать больше нечего, как караулить кто там что под моим балконам делает?

– А кто же тогда ей еду приносит? Кстати, покажите -ка мне свои тарелочки, не с цветочками ли они?

– Что за бред вы несете? Какая еда, какие тарелочки?

– Ну раз вы в отказ, навещу -ка я Клавдию Михайловну, больно она у нас сердобольная, кошечек, собачек прикармливает, может и бомжиху под свою опеку взяла? Но к вам я еще вернусь, если виновного не найду.

– Не смейте вторгаться на мою территорию и отвлекать! – вспылil Лев Натаныч и пока домоуправша не обрушила на него свой гнев, поспешил укрыться в подъезде.

И вот как теперь работать, когда нервы вымотаны? Невежи! Бескультуре! Быдло!

Пиво убывало, фисташки заканчивались, а муза дрыхла непробудным сном, оставаясь безразличной к творческим мукам и терзаниям композитора. Ля-ля-лям... м-м-м... ля-лям... ля-лям-м-м, – напевал на все лады Блинов, тщетно пытаясь призвать к совести лентяйку.

– Может, правда, старею? – размышлял он вслух, -Раньше как бывало, только сядешь за инструмент, раз и готово, а теперь приходится тянуть из себя, выдавливать. Ля-ля-лям... м-м-м... ля-лям... ля-лям-м-м... Чёрт! Не то! Все не то! Время за десять перевалило, а в голове пустота.

Он сел за рояль, положил руки на клавиши и вдруг, слов-

но по заказу, из неоткуда, зазвучал тихий и чарующий голос. Его было так слабо слышно, что даже Лев Натаныч, со своим идеальным слухом, еле улавливал нежные напевы. Навеянную музой мелодию он проигрывал на рояле и для большей убедительности тут же записывал в нотную тетрадь. И был так увлечен, что его ни сколько не озадачил источник происхождения звука. Это была только его мелодия! Придуманная и записанная им. Он снова и снова проигрывал ее, представляя, как тугие зерна граната, переливаясь на солнце густым бордовым цветом, падают на хрустальное блюдо и взрываясь сочным фейерверком, окрашивают воздух терпкими брызгами счастья.

Лев Натаныч допил остатки пива и слизав с пакетика из под фисташек кристаллики соли, преисполненный гордости, вальяжно развалился на диване. Теперь и отдохнуть можно, а завтра неземное творение отправится на суд слушателей. Нет, лучше послезавтра! Нужно дать время Лишайкину закончить свое произведеньишко! Чтобы впредь не возникло соблазна чужие шедевры присваивать. И Потапов тут больше не указ! Натек-ка выкусите! Или в титры Блинова пишайте или поминайте, как звали! Такой талантище и без вас не пропадет!

Раздумья о неминуемой славе прервал резкий дверной звонок. Лев Натаныч даже подскочил от неожиданности. Днем то никто не смел нарушить его покой, а что бы вот так

поздно вечером?

– Кто там? – негромко спросил он, держа в руке приготовленную для самообороны теннисную ракетку.

– Это Агния Мехтиева, – раздался голос старшей по дому.

– Какого лешего? Вы на время смотрели?

– Одиннадцати нет, имею право по неотложному делу беспокоить, – отозвалась она. – Впустите меня.

Лев Натаныч заправил выбившуюся рубашу под ремень, застегнул верхнюю пуговицу под воротничком и пригладив непослушные вихры, щелкнул дверным замком.

Домоуправша сделала попытку войти, но композитор преградив проход, грозно сдвинул брови, – Зачем пожаловали?

– Петицию нужно подписать.

– Я не участвую ни в каких собраниях, митингах и...

– Да какие митинги? Совсем рехнулись? Это всего лишь коллективное прошение на выселение бомжихи из под вашего балкона. Развели тут бюрократию, участковый пальцем не пошевелит, пока подписи с жильцов не соберешь. Уже весь подъезд подписался, один вы остались.

Лев Натаныч, не читая подмахнул петицию и с грохотом захлопнул перед носом домоуправши дверь.

– От малахольный! – выкрикнула она, – Для него же стараются, а он чуть башку не отшиб. Вот не зря говорят, что композиторы, поэты, да художники не от мира сего. И наш туда же...

Когда вопли за дверью затихли, Лев Натаныч еще долго маршировал по своим законным двенадцати квадратам, вслух изрыгая проклятия, -Ну что за народ? Ни днем, ни ночью от них покоя нет, то эта общественница, то дворничиха, то... Досказать свою мысль он не успел, тихие мелодичные звуки на мгновение парализовали его, но быстро справившись с замешательством, он бросился к роялю, чтобы повторить принесенный вечерним ветром мотив. Еле уловимый бархатный сопрано бередил душу, заставлял трепетать сердце, а струившиеся по лбу и вискам крупные капли пота, дождем оседали на клавишах. Он представлял себя гуляющим по берегу пруда, на зеркальной глади которого распускались кувшинки, а в склоненных над водой ветвях ив заливались соловьи. Хотелось воспарить над этим ничтожным, бранным миром и раскинув руки, плыть среди белых, как снег облаков... Как вдруг сопрано превратился в режущий слух фальцет, а умиротворение и покой исчезли, как мираж.

– Убирайся! Убирайся отсюда немедленно, побирушка! – голос старшей по дому невозможно было спутать ни с чьим другим. – Не место таким во дворе образцового порядка! Поищи себе другое место для ночлега! – не унималась Агния Мехтиевна, а увидев выскочившего на балкон Льва Натаныча, удвоила децибелы мощности, -Вон! Вон, я тебе сказала! Блинов, что же вы молчите? А ну, тащите кипятилок, или вас

устраивает такое соседство?

– Вы в своем уме? – возмутился перепуганный композитор, – Немедленно прекратите шум! Люди отдыхают, а некоторые между прочим работают! Творят, так сказать!

– А вот творить некоторым, пора бы и заканчивать! Двадцать три ноль-ноль - время тишины!

– Так и заткнитесь уже! – беснуясь, брызгал слюной композитор, – Что вы тут за цирк устроили? И где участковый? Я между прочим петицию собственноручно подписал!

– А в отпуске участковый. Вот так то! А наряд не спешит к нам ехать. Сами, говорят, разбирайтесь. И хватит губами шлёпать! Помогите лучше эту дамочку, без определенного места жительства, выдворить!

– Я музыкант! Композитор!

– Тьфу, ну и мужики пошли. Музыкант он! Белоручка хренов! Пахать на тебе нужно, лентяюга! Па-хать! А он тимпилим по клавишам. Позор! Позор!

– Ну знаете-е... Знаете... Я сам сейчас милицию вызову! Дебоширка!

В этот момент из под балкона выбралась худенькая, как воробышек, девушка и задрав голову, посмотрела на Льва Натаныча прозрачным глазами-льдинками. Легкий платок паутинка соскользнул с ее головы и волосы при свете ночного фонаря, заиграли белым золотом.

– О, выбралась, леди. И не смотри на меня так жалостли-

во! Не проймешь! Давай-давай, проваливай! А ну, Блинов, гаркни на нее, чтоб бежала сверкая пятками!

– Эээх... -покачал головой Лев Натаныч, -Такая молодая, а бродяжничает! И не стыдно? На работу устройся, комнату сними...

Девушка снова одарила композитора холодным взглядом, а по щеке, оставляя за собой грязные разводы, скатилась слезинка. Предоставив домоуправше самой закончить начатое выселение, Блинов вернулся в комнату, плотно прикрыл за собой балконную дверь, запечатал окно и на всякий пожарный случай, плотно сдвинув тяжелые шторы.

Мелодия рождалась сама собой. Просто и легко. А на музыку ложились слова.

Мне привиделась незнакомка
В потемках.
На плечах косынка
Паутинка.
Из лучей ее локоны
Сотканы.
Жгутся холодом льда
Глаза.
И ресницы припорошены инеем
Синие-е-е...

Ничего подобного раньше с ним не случалось. Лев Натаныч пребывал в удивительной эйфории, которая захвати-

ла его целиком, заставляя вскипать кровь. На минуту он задумался, почесал сморщенный от натуги лоб и бросившись к окну, резким движением развел шторы. Распахнув настежь фрамуги, прислушался.

– Мммма-аа-ммммаа-а-а... – замычал он, воспроизводя ранее подслушанную мелодию и вернувшись к роялю, снова и снова проигрывал ее, надеясь сквозь звуки инструмента уловить бархатное сопрано.

– Чёрт... Чёрт... Чёрт... – он заметался по комнате, вдруг догадавшись, кто все это время был его музой.

– Нужно ее найти! Непременно нужно найти!

На ходу набрасывая рубаху, он сунул ноги в домашние туфли со смятыми задниками и не прекращая напевать, выскочил на улицу.

– Эу... ау... – он постучал по обивке своего балкона. – Барышня вы там? Отзовитесь! Я не сделаю вам ничего плохого.

Не дождавшись ответа, кряхтя опустил на колени и принялся двигать сложенный стопкой картон, – Не бойтесь меня! Мммма-аа-ммммаа-а-а... – для большей убедительности своего доброго расположения, напевал он.

– Ага, попался, Блинов! – высоким, писклявым голосом завопила домоуправша, тыча острым носком черевичка в торчащий из под балкона зад композитора.

Лев Натаныч так спешил выбраться из ниши, что со всей дури приложился затылком о выступающую бетонную балку перекрытия и взыв раненым вопрем, подскочил на ноги.

– Что вы себе позволяете! – начал было он призывать к совести Агнию Мехтиевну, но она застыв в немом крике, тыкала пальцем чуть ниже его ремня, где из расстегнутой ширилки торчал угол рубахи.

– Извращенец... Извращенец...

– Ох, – со стоном выдохнул Блинов, спешно исправляя образовавшийся конфуз, но было уже поздно. Домоуправша, остужая ладонями пылающие щеки, пяtilась к подъездному козырьку, выставляя для защиты кулаки, – Кто бы мог подумать? Взрослый мужик поселил юную любовницу под балконом и окучивает ее по ночам.

– Бред! Бред! Я на вас в прокуратору за кляузничество напишу!

– Не подходите ко мне... Не подходите... Люди-и-и... Насилую-ют!

– Тьфу, дура! – обиделся Блинов и сам не ожидая от себя такой смелости, схватил верещащую женщину за плечи, – Говорите, немедленно говорите, куда она пошла?

– К-кто, – заикаясь проговорила она и изображая обморок, закатила глаза.

Лев Натаныч с такой силой тряхнул притворщицу, что бигуди на ее голове запрыгали, как живые. – Девушка из под моего балкона? Где она?

– Н-незнаю... – чуть слышно прошептала перепуганная насмерть Агния Мехтиевна и задрожав, как лист осины на ветру, махнула рукой в сторону соседней пятиэтажки, –

Туда она пошла! Точно туда!

– А имя? Имя!

– Так это... Агния, – залилась краской домоуправша.

– Агния? – приподнял бровь Лев Натаныч.

– Агния, – утвердительно закивала женщина и захлопав ресницами, добавила, -Мехтиевна.

– Тьфу, – снова не сдержался он, -Меня интересует имя девушки, которую вы прогнали из под балкона! Де-ву-шки!

– А мне почему знать? Я с ней не знакомилась и удостоверение личности не проверяла.

– Эээх, – с сожалением протянул Лев Натаныч и опустив плечи, поплелся в указанном направлении.

– Кто бы мог подумать? -запахивая расплзшиеся в сторону полы халата, рассуждала вслух Агния Мехтиевна, – Расскажи кому, не поверят! По виду тюха-матюха, а внутри... ух! Зверь! Как схватил, как затряс... Глаза страстью горят, дышит, как бык на корриде!

Она еще долго смотрела вслед удаляющемуся композитору и только когда его тщедушную фигурку поглотила темнота соседнего двора, нехотя вошла в подъезд.

Лев Натаныч прошелся вокруг чужого дома, заглядывая под каждый балкон первого этажа, негромко напевал при этом, а то и принимался звать невидимую девушку, -Ау... барышня... Ау... отзовитесь.

У шестого подъезда бдительная старушка, которую видимо одолевала бессонница в столь поздний час, пригрозила вызвать милицию и Блинов не солоно хлебавши отправился восвояси. По светлу решив еще раз обойти близлежащие окрестности.

Дома царила такая тишина, что хоть веревки из нее вей. Лев Натаныч прохаживался по темной комнате снедаемый непонятным чувством. Словно он потерял потерянное. Если так бывает конечно. Как вдруг... Сначала он услышал приглушенный шорох, а затем тяжелые вздохи и стоны. Он бросился на балкон и перегнувшись через перила, громко прошептал: Барышня, вы вернулись?

– Оёёй, помогите... Помогите же мне скорее, – захныкали под балконом.

– Бегу! Уже бегу! – сорвался с места Блинов и в одночасье оказался на улице. – Вы ранены? Вам плохо? Вас кто то обидел? – забросал он вопросами свою гостью.

– Я застряла, – донеслось из ниши жалобное и слезливое подвывание.

– Давайте руку, – прошептал Лев Натаныч, сам наполовину забираясь под балкон и вдруг с криком отпрянув, завыл перепуганным шакалом, – Вы-ы-ы-? Это вы? Что вы там делаете?

– Вытащите меня, умоляю, – сквозь зажатые зубы цедила Агния Мехтиевна.

– Боже, как вы туда поместились? Что вы там делаете? – крихтя от усердия, изо всех тащил домоуправшу ошалевший Блинов.

– Миленький, еще, еще немного...

– Никак! – резюмировал Лев Натаныч и свалившись на клумбу, тяжело задышал. -Придется спасателей вызвать.

– Не надо спасателей, -заголосила Агния Мехтиевна. -Я развернусь... попробую втянуть живот во-от так и теперь, тащите меня за ноги. Ну? Раз-два... Взяли... – командовала застрявшая под балконом женщина.

Поддавшись на уговоры, Лев Натаныч ухватился за ноги и рывком вытащил ее ровно до половины.

– Стойте... стойте, -завопила она. Груд-и-и-и-и! Груды застряли!

– Тьфу... -смачно сплюнул под ноги композитор, -Один хрен, хоть с заду, хоть с переды тащи, все одно ваши выпуклости застревают.

– Ну так, -засмущалась Агния Мехтиевна, -Не обидел Бог красотой.

– Лучше бы мозгов добавил, – забыв про чувства такта, парировал Блинов. -Вот какого лешего нужно было туда забираться? И главное как?

– Так ради вас же старалась. Раз вам нравятся такие игры, когда женщина в заточении...

– Ай-яй... – схватился за голову Лев Натанович, -Вдыхайте свои... ээ... подушки и р-раз..

– Погодите! – запротестовала заложница собственной ду-
рости, – Как же я вдохну, если они не вдыхаются. Если только
прижать?

Лев Натанович просунул ладони, расплющивая полуша-
рия в лепешки, – Ползите, пока держу... скорее! Что вы там
елозите и стонете или думаете мне удовольствие составляет
ваши прелести мять?

Агния Мехтиевна задвигалась как змея, пытаясь протис-
нуться через узкую для ее пышных форм расщелину. Когда
до освобождения оставались считанные секунды, с балкона
второго этажа раздался голос Люсьены Алмазовны. – Это кто
там безобразничает? Совсем стыд потеряли, устроили тут
оргию, черти умалишенные.

Домоуправша с перепуга попятилась в обратную сторо-
ну с такой скоростью, что не готовый к подобной рокировке
Блинов, ослабил нажим на грудь и завопил, как оглашенный,
обдирая о бетонное перекрытия кисти рук.

– Твою мать! Твою мать! – запрыгал он на одной ноге дуж
на окровавленные запястья и пальцы, – Мои руки! О, горе!
Аа – а...

– Чёрт вас подери! – перевесилась через балконные пери-
ла Люсьена Алмазовна, – Да никак это сосед с первого? Ну я
завтра старшей по дому нажалуюсь, пусть меры принимает!
Эй, Блинов, это точно вы?

Пока она нашаривала в кармане халата очки, чтобы удо-
стоверится в своей правоте, Лев Натанович, упав на землю,

ужом проскользнул под балкон.

– Все из-за вас! – шипел он, прижимаясь к округлому боку затихшей домоуправши.

Не дождавшись ответа, ткнул ее локтем в живот, – Живая хоть?

– Живая, -всхлипнула она. -А ну как соседка спустится? Ох уж позорище... А все вы со своими игрищами постыдными.

– Я? – взвился Лев Натаныч, но впечатавшись макушкой в бетон, затих.

– А кто же еще? Иль думаете я совсем дамочка бесчувственная? Мне и тонкого намека достаточно чтобы понять чего от меня мужчина хочет. А вы так откровенно пыхтели и трясли меня...

– У-у-у..-застонал Блинов, а Агния Мехтиевна взяв его руку, погладила себя по бедру. -Вот и платье праздничное надела, с пайетками. Чувствуете? Розовое, блестящее. Один раз на свадьбу племянницы выгулянное...

Продрогнув до костей, заложники обстоятельств едва дождались отступления с караульного поста бдительной Люсьены Алмазовны и вновь приступили к спасательным работам. После часа усиленного пыхтения сквозь сжатые зубы, грузное тело Агнии Мехтиевны было вызволено из плена и теперь, придавив выбившегося из сил композитора, полеживало на свежевскопанной клумбе.

– Ыыыы... – застонал Лев Натаныч, пытаясь выбраться из под центнера живого веса.

Домоуправша приподнялась на локтях, придушив лежащего под ней бедолагу вывалившимися из декольте прелестями и перед тем как окончательно дать ему свободу, как бы невзначай приложила к губам. Ситуация выходила из под контроля и пендитный Блинов чувствовал себя совершенно раздавленным в прямом и переносном смысле этого слова.

– Проводите меня? – кокетливо потрянув спутанными кудрями спросила Агния Мехтиева и не дав Льву Натанычу опомниться, подхватив под руку, повела под подъездный козырек. Затормозив на площадке первого этажа, аккуратно у дверей композитора, блеснула золотыми коронками и закусил пухлые губы, – Так люблю пианинную музыку, вот прямо... ух как люблю. Хоть бы разок в живую послушать, а то все по радио, да по телевизору.

Лев Натаныч едва не повелся на ее неожиданные откровения и уже открыл было рот, что бы пригласить на ночное прослушивание, как вдруг опомнился и треснув себя ладонью по лбу, зачистил: Ох... мне же на работу пора. Сколько времени?

– Так трех еще нет.

– Ойёёё, чуть не опоздал. Чуть не опоздал... – соорив из себя дико озабоченного и занятого, Блинов выдернул руку из влажных пальцев женщины, с причитаниями бросился

вон из подъезда.

– Тапочки переобуйте! – крикнула вдогонку Агния Мехтиевна, но Лев Натаныч уже неся куда глаза глядят, на всякий случай избегая освещенных участков двора.

Прижавшись к холодной кирпичной стене овощного ларька пристроенного к торцу дома, он шумно выдохнул и похлопал себя по щекам, чтобы удостовериться в реальности происходящего. Вот жил человек спокойно, поживал и нате, нашел себе приключения на пятую точку. Он осмотрелся по сторонам и устроившись на стопке ящиков, решил выждать какое то время, прежде чем вернуться домой. Тонкая рубаша совершенно не защищала от прохладного ночного воздуха, а тут еще, как назло, заморосил мелкий, противный дождь. Лев Натаныч вжав голову в плечи, коротал время раскачиваясь на ящиках, тихонько напевая себе под нос. И вдруг, чистейшее, бархатное сопрано, как молодая виноградная лоза переплеталась с его напевами. Он вздрогнул, соскочил на землю и пытаясь на слух определить откуда звучит голос, стал неслышно пробираться вдоль стены заваленной старыми картонными коробками и другим ненужным хламом.

– Барышня... Ау... Где же вы? Выходите, не бойтесь. Мы с вам знакомы. Это же я, композитор, под чьим балконом вам угораздило поселиться. Помните? Ммммммааа-аа... Ммммммааа-а-а... Ну? Узнали?

Он обернулся на шум за своей спиной и увидев стоящую у груды ящиков девушку, бросился с к ней с такой резвостью, словно она расправив крылья, готовилась упорхнуть в небо.

– Идём-те... Идёмте со мной. Ох, божечки, а руки какие ледяные. Вы замерзли?

Не смотря на то, что девушка за время пути и не издала ни звука, Блинов подходя к своему подъезду, на всякий случай приложил палец к губам, призывая ее к полной тишине. И лишь когда они оказались в его маленькой, тесной прихожей, а за их спинами захлопнулась дверь, Лев Натаныч позволил себе выдохнуть.

– Вас как зовут? – рассматривая прозрачную, как приведение гостью, спросил он.

Она пожала плечами и уставилась на композитора огромными, бесцветными глазами.

– Я буду звать вас Музой! Не против?

Девушка чуть заметно улыбнулась и кивнула головой. Воодушевленный ее согласием, он энергично потер руки и потащил ее в сторону ванной комнаты.

– Вот тут хозяйственное мыло, хотя нет... -согнувшись в три погибели, он засунул руку под раковину и с победным кличем вытащил на свет затертую пачку туалетного мыла. -Ромашка! – с такой гордостью объявил он, словно это была невеста какая невидаль. -Полотенце чистое... наверное, – Лев Натанович открутил кран и сильная, горячая струя воды с бульканьем и шипением ринулась в ванну. -Минутку! –

многозначительно поднял он палец и помчавшись в комнату, распахнул створки старого, покосившегося шкафа. Сорвав с плечиков первую попавшуюся рубашу, на секунду задумался, швырнул ее обратно и высунув от волнения язык, стал перебирать свой нехитрый гардероб. - Вот! Во – от! – мечтательно закатил он глаза, наткнувшись на свою первую концертную рубашу. Пощупав тонкий розовый батист и переливающиеся огненными бликами пуговицы, невольно улыбнулся, вспоминая свой первый успех. И плевать, что студенты-выпускники потешались над ним из-за этой рубашки, предполагая, что он одолжил ее у своей бабушки, главное, что после авторского этюда под названием «Осенняя страда», зал рукоплескал и кричал браво. Вот это был успех!

Лев Натанович мотанием головы прогнал воспоминания и вернулся к ожидающей его девушке.

– Вот, наденьте, – протянул он дорогую его сердцу вещь.

– Она достойна такого подарка! - думал Блинов, когда гостья скрылась за дверью ванной комнаты, - Она моя Муза! Она мой успех! На пару мы перевернем этот мир с ног на голову!

Поставив на плиту чайник, он долго стоял у полупустого холодильника, судорожно соображая, чем угостить гостью. Порезав на блюде остатки вареной колбасы, он долго крутил в руках подсохший брусочек сыра и не решившись угощать девушку сомнительным продуктом, ухнув как филин,

достал припрятанную на черный день банку шпрот и сварил всмятку последнее яйцо. Стол давно был накрыт, а Муза все еще плескалась в ванной, совершенно сбросив со счетов, с каким нетерпением ожидает ее появления Блинов. Ровно через час, он не выдержал и тихонько постучал в двери, -Барышня, вы там не уснули?

– Ой, простите! – тут же отозвалась она и через пять минут выплыла на кухню облаченная в розовую батистовую рубашу композитора. Влажные волосы крупными кольцами ниспадали на плечи, а бесцветные глаза вдруг приобрели нежно-голубой цвет весеннего неба.

– Ну и ну! – задохнулся от преобразования гостьи Блинов и усаживая ее к столу, кинулся пятый раз подогревать чайник. Терпеливо дождался, пока она утолит голод и плеснув очередную порцию кипятка в чашку с заваркой, приступил к допросу.

– Вам конечно очень идет имя Муза, но может быть эээ... вы назовете свое настоящее имя? Кстати меня зовут Лев Натанч. Но если вам трудно выговаривать мое отчество, то просто Лев.

– Нет, мне не трудно, – звонким колокольчиком рассмеялась девушка, а немного помолчав, добавила, -А свое имя я и правда не помню. Так же кто я и откуда. Совсем ничего не помню.

– Разве такое может быть? Откуда то вы должны были взяться?

– По логике должна, но...

– И долго вы вот так.. ээ... ничего не помните?

– Несколько недель, думаю. В один из дней я просто проснулась и пошла. Нет, сначала я не могла идти, у меня болела голова... – она отбросила прядь волос и взору Блинова открылась иссиня-черная гематома на виске.

– Бог ты мой, ууу... – от волнения выплескивая на себя кипяток, застонал Лев Натаныч.

– Ну что вы, – успокоила его девушка, уже почти не болит. Спасибо Ие.

– Какой Ие? – округлил глаза Блинов.

– Которая меня нашла в лесу. Она то мне и показала охотничью избушку и пока я совсем не поправилась, делала всякие примочки, поила травами и даже суп из зайца варила и совсем не умела говорить. Только и-е... и-е. Так я ее и стала называть.

– А потом?

– Потом она просто исчезла, только платок на гвозде висеть остался. Я прождала ее несколько дней и пошла. Два дня до города шла, ни одна машина не остановилась. К ночи добралась, а тут дождь начался, ну я под вашим балконом и спряталась. Днем попыталась выбраться, у людей помощи попросить, так все от меня шарахались и даже выслушать не желали. Ну еще бы, -девушка горько вздохнула и разревелась в голос, – кто захочет общаться с такой замарашкой? Вот только вы, спасибо большое, что бы я без вас делала?

– Ну-ну, полноте, – Лев Натанович погладил по вздрагивающей спине плачущую девушку, – Отдыхайте, а завтра попытаемся разыскать ваших родных.

Уступив госте диван, Блинов устроился у батареи, на старом, проеденном молю одеяле и уставившись в окно, за которым уже занимался рассвет, задумался.

Как же теперь быть? Как правильно поступить? То, что с девушкой случилась беда – факт неоспоримый. И очевидно ее уже разыскивают, а он, как порядочный, законопослушный гражданин, просто обязан оповестить полицию о местонахождении потерявшейся. Но, разве для этого он ее искал, спасал и кормил? Да что там кормил? Он даже свою первую концертную рубашу для нее не пожалел. А это дорогого стоит!

Когда за окном совсем рассвело, Лев Натанович принял твердое и непоколебимое решение. Свою Музу он никому не отдаст! Нет и все! Ведь не зря же дорожка привела ее под его балкон?

Он приподнял голову и посмотрел на нежное, юное создание, свернувшееся калачиком на продавленном диване и задохнувшись от умиления, шепотом проговорил, – Вот источник моего вдохновения! Вот мой проводник к славе!

Уж при ее то содействии он точно займет достойное, причитающее ему место на Олимпе музыкального мира!

Утомленный ночными приключениями и думами о сла-

ве, Лев Натаныч не заметил как уснул и даже сон в этот раз ему приснился вещий, в этом он даже не сомневался. Сочиненная им музыка лилась со всех динамиков, написанные им песни распевали именитые певцы и даже сам мистер Джо Дассен явился с того света, что бы исполнить его культовую песню «Незнакомка в потемках». И в тот момент когда его объявили Лауреатом премии «Лучший европейский композитор», торжественную часть вручения прервало противное дребезжание.

– Черт-черт-черт, – заворчал Блинов и хлопком ладони заткнув будильник, посмотрел на мирно посапывающую девушку. Обрадовавшись, что трезвон не стал помехой для ее сна, прошлепав босыми ногами на кухню, заварил чай и вдруг схватив перемотанную изолентой телефонную трубку, набрал номер Потапова. Дождавшись ответа, зашептал: Пал Юрьич, тут такое дело..

– Кто это? Говорите громче! – сонно отозвались на том конце провода.

– Это Блинов. Бли-нов! Тут такое дело...

– Натаныч, леший тебя побери, я мог еще целых пятнадцать минут поспать. Надеюсь, у тебя серьезный повод меня беспокоить?

– Мне бы недельку за свой счет взять. Не возражаете?

– Что-о? – взревел окончательно проснувшийся Потапов, -Какая неделька? Ты в своем уме? Дел неувпоровот и потом, ты обещал удивить меня новым произведением.

– Но...

– Никаких «но»! К девяти ноль-ноль, как штык.

– Племянница в гости приехала, обещал город показать, – сбивчиво принялся врать композитор.

– Хых, откуда у тебя племянница взялась -то?

– Ну так это... Теткиного троюродного деверя снохи дочка.

– Что-что? – попытался вникнуть в сказанное Потапов, но оставив напрасную затею, лишь грозно рыкнул, – Понравится мне твое сочинение, так уж и быть, отпущу на неделю, нет, значит будешь в поте пальцев трудиться.

– Есть у меня что показать! Есть! – зачастил Блинов и швырнув на рычаги трубку, кинулся собираться. Перед тем как покинуть квартиру, старательно вывел на обложке нотной тетради: «Скоро вернусь!»

Немного подумав сделал приписку: «P.S. На балкон не выходи, двери никому не открывай»

Поправив разметавшиеся светлые локоны девушки, осторожно положил записку на край подушки и на носочках прошествовал к дверям.

Оказавшись на улице, тут же наткнулся на беседующих у подъезда женщин, домоуправшу и соседку со второго. И только Лев Натаныч намеревался пройти мимо, как Люсьена Алмазовна, выставив руки в бока, хитро прищурилась, – А вот он и сам, давайте -ка у него спросим!

Лев Натаныч что есть силы прибавил шаг, но грозный окрик домоуправши, пригвоздил его к месту.

– Уважаемый, погодите, ту вот некоторые утверждают, -залившись краской, Агния Мехтиевна кивнула в сторону стоящей рядом соседки, -что вы сегодняшней ночью, устроили... кха кха... настоящую оргию вот на этой цветочной клумбе.

Вспыхнув ярче домоуправши, Лев Натаныч от стыда готов был провалиться на месте, -Так это... -замямлил он, – Вы же сами все знаете...

– Знаю! Конечно знаю! -голосом оратора объявила Агния Мехтиевна и закрывая грудью композитора, не менее торжественно продолжила, – Не может такой серьезный, порядочный и очень талантливый человек, устраивать... ох.. ох... даже слово такое лишний раз произносить не хочется. Ошибка вышла! Видимо Люсьена Алмазовна в темноте, да без очков спутала вас с каким то любителем поиметь дамочек где попало.

– Так сами же говорили, сквозь надутые губы цедила соседка со второго, – что композитор себе девку под балкон притащил и окучивает.

– Ох, что за бред, – вытирая вспотевший лоб, закатила глаза Агния Мехтиевна и толкнув застывшего, как изваяние Блинова, зачастила, – Ступайте, Лев Натаныч, я уж тут сама с этими сплетнями разберусь и не позволю порочить ваше честное имя. Получив свободу, Блинов стартанул с места

и не сбавляя шаг, галопом проследовал до самой остановки.

*

Потапова на месте не оказалось и Лев Натаныч, как часовой прохаживаясь у его кабинета, не сводил взгляда с настенных часов. Вскоре к нему присоединился Лишайкин и теперь они оба, застыв по разным сторонам дверей в приёмную шефа, прожигали друг друга ненавистными взглядами.

– Приятно видеть, – пробасил появившийся в коридоре Потапов, – что люди радеют за дело и ожидают тебя спозаранку, чтобы удивить сочиненными за ночь шедеврами. Ведь не ошибся же? Не с пустом пришли?

– Что же вы так долго? – осуждающе покачал головой Блинов, – Племянница меня уже заждалась. Идем- те скорее на прослушивание.

Потапов прошел в кабинет, небрежно сбросил на стул пиджак и прикурив сигарету, смачно выпустил густое облако дыма к потолку. – Учти, Натаныч, если не оправдаешь моих надежд, не видать тебя твоей племяннице, как своих ушей. Засажу за рояль и пока не выдашь то что мне нужно, ни шагу за порог.

Оказавшись в репетиционном зале, Потапов устроился в кресле и громким хлопком в ладоши привлек внимание, – Натаныч, начинай!

Блинов долго устраивался за роялем и вдруг нервно

шмыгнув носом, уступил место молодому композитору, - Пусть он сначала.

- Ты же спешил! - напомнил ему Потапов, но Лев Натаныч заняв соседнее с ним кресло, протянул исписанный мелким почерком лист.

- Что это? - опуская очки со лба на кончик носа, поинтересовался Павел Юрьевич, но отвлекшись на зазвучавшие аккорды, так и застыл с поднесенным к лицу листком.

- Ну можешь же! Можешь! - захлопал он в ладоши, когда Лишайкин тряхнув головой, завершил свое произведение. - Что скажешь, Натаныч? Не плохо? А?

- Ээ... ну так себе, - опустив глаза чуть слышно проговорил он, напоминая Потапову о зажатом в руке листке.

- Что тут? - недовольно сморщился он, а при прочтении каждой новой строчки его глаза все больше и больше округлялись. - Ну ты, Натаныч и загнул... - закончив читать подытожил он.

- Только так! - задрав подбородок, хмыкнул Блинов. - Я более не позволю воровать мои произведения! Подтвердите письменно, что ни малейшее отрывок из моего сочинения не будет отдан всяким там, молодым, подающим надежду композиторам. Пусть самостоятельно свое признание заслуживают!

- Ну ты загнул! - вновь повторился Потапов и взмахом руки попросил обиженного и недовольного Лишайкина освободить место за роялем. - Не знаю, Натаныч, какая муха тебя

сегодня укусила? Ступай, покажи чего ты стоишь.

– Распишитесь! – настаивал Блинов, но заметив, как Потапов скрипнул зубами, добавил, – Во мне проснулось небывалое до ныне просветление. Море идей и желание созидать! Я чувствую, как поднимаюсь на гребень волны, который вознесет меня до небывалых высот!

– Эй, Натаныч, закрой рот, пока со своего гребня кубарем не скатился, да воды соленой не нахлебался. У тебя пока два варианта, или за рояль, или в отдел кадров заявление на увольнение по собственному желанию писать.

Лев Натаныч прошествовал к инструменту, сделал пару оборотов на крутящемся табурете и легко коснулся пальцами клавиш. Проигрывая подготовленную для финального эпизода мелодию, он время от времени бросал взгляды на своих слушателей и замечая как вытягиваются их лица и открываются рты, с усиленным рвением терзал клавиши, передавая всю гамму чувств от нежности, до страсти.

Когда прозвучал последний аккорд, Блинов небрежно опустил крышку рояля и с видом неоспоримого превосходства над всем миром, спустился со сцены в зал.

– Ну, что я говорил? И это еще не предел, идеи просто разрывают меня на части. Я еще такое напишу, такое!

Обретя способность двигаться, Потапов поднялся с кресла, да вместо того чтобы пожать руку Блинову, похлопал по плечу, готового расплакаться, Лишайкина, -Все будет хорошо, Илюша! Верь мне!

– Пойдите! – попытался понять суть происходящего Блинов, – Объясните что тут происходит?

Но Потапов приобняв его за плечи, со словами, – Идём -ка дорогой, Натаныч, побеседуем, – повел в свой кабинет.

У Блинова от волнения даже руки вспотели, а зубы сами собой принялись противно поскрипывать и хрустеть.

– Расслабься, друг мой! – осклабился Потапов и распахнув холодильник, грохнул об стол запотевшей бутылкой «Путинки».

– О, нет! Вы знаете как я отношусь к спиртному, – запротестовал Лев Натаныч, когда Потапов наполнил до краев две пузатые рюмки. – Красного вина бокальчик, еще куда ни шло, но водку...

– Пей! – приказал Павел Юрьевич, наступая на пятящегося к дверям Блинова. – Вино с бабами на свиданиях распивать будешь, а когда мужикам разговор серьезный предстоит, тут только она, беленькая, в помощь.

Лев Натаныч одним глотком опрокинул содержимое рюмки и передернув плечами, судорожно принялся разворачивать предложенную ему конфету. Спиртное горячей волной прошло по пищеводу, приятным теплом разлилось по желудку и выстрелив фейерверком в мозг, дало команду расслабиться. Зачерпнув горсть конфет из стоящей перед ним вазы, он с глупой улыбкой на лице, распахал их по карманам, – Племяннице отнесу!

– Все забирай! – щедро позволил Павел Юрьевич, помо-

гая композитору набивать карманы.

– Отличная мелодия, Натаныч. Ты никогда ничего подобного не писал. Сам себя в этот раз превзошел!

– Так говорю же, муза меня посетила!

– Держи ее крепче и не отпускай!

– Не отпущу! – пообещал Блинов.

– Ну и молодец! Значит напишешь для себя еще одно произведение, лучше прежнего.

– Постойте, куда вы клоните?

– Сядь, не кипятись, Натаныч, давай еще по рюмочке? Вот так! Мужик! Молодец!

Блинов крикнул, обтер тыльной стороной ладони влажные губы и по панибратски похлопав шефа по плечу, -Я вас слушаю.

– Кха-кха, -прокашлялся Потапов и на одном дыхании выпалил, -Подари Лишайкину свое произведение!

Увидев, как у ошеломленного, от подобной наглости, композитора розовеют белки глаз и выступает пена в уголках рта, сложил в мольбе руки, -Натаныч, уступи, не губи! Не моя воля! Сверху поручение прилетело помочь Лишайкину в сочинительстве. Хоть говорят, всем коллективом трудитесь, но что бы мальчишка вернулся с таким произведением, от которого кровь в жилах стынет. Я уж и Галанина ему в помощь дал и Лискина... Кто же мог подумать, что ты их всех разом переплюнешь? Вроде как звезд с неба не хватал до этого. Да не об этом сейчас речь-то... По секрету скажу.

У продюсера и режиссера племянники начинающие композиторы, вот и зашел у них спор, кто из них будет музыку к фильму писать. Вылилось в такую войну! Каждый своего хочет пропихнуть. Сошлись на том, что мальчишки трудятся каждый над своим произведением, а затем на совете решат, кто из них лучше. Ну не мог я отказать именитому режиссеру в помощи, тем более он мою Альку обещал на эпизод взять. Натаныч, ну что мы не люди что ли друг другу помочь?

– Я в титры хотел, - всхлипнул Блинов.

– Вот зуб даю, что следующий заказ на художку, твой! И премию! Премию тебе выпишу на следующий месяц!

– Сегодня! Сию минуту! И недельный отпуск оплачиваемый!

– Эээ... ну ты разошелся, друг! А премию, как вроде вчера только получил? Ладно-ладно, о чем спор? Сейчас, так сейчас!

Он поднес трубку к уху и выждав пару секунд, гаркнул, – Елена Сергеевна, к вам Блинов спустится, выдайте ему три... – он перевел взгляд на Льва Натаныча с выпяченной пятерней, нервно кашлянул и поправился, -Пять тысяч! Да, прямо сейчас, приказ я чуть позже подпишу.

Лев Натаныч довольно икнул, покачнулся и отвесив поклон, пошел прочь из кабинета.

– Привет племяннице, – крикнул вдогонку Потапов, -Как кстати ее зовут?

– Муза! – торжественно объявил Блинов, с грохотом за-

крывая двери.

– Мне привиделась незнакомка в поте-ё-ёмках... На плеча-а-ах косынка паутинк-а-а-а... -напевая во весь голос, Лев Натаныч нетвердой походкой преодолел коридор, спустился в вестибюль первого этажа и ворвавшись в закуток с зарешеченным окошком, именуемого кассой, громко постучал.

– Леночка Сергеевна, открывайте.

Задвижка отползла в сторону и миловидная кассирша приблизив лицо к металлическим прутьям, кокетливо потрянула освещенными локонами. -Ох, что то вы, Лев Натаныч, зачастили ко мне. Может откроете секрет, с чего вдруг Потапов так щедр стал?

– Я талантливый музыкант! В этом вся причина! Вот такой я молодчина!

– Ах-ха-ха, – заливисто рассмеялась кассирша, -Да вы стихами заговорили!

– Я окрылён! Я великий композитор! Позвольте поцеловать вам.. эээ... -Лев Натанович замялся не найдя рифму и приложившись губами к руке Елены Сергеевны, громко причмокнул.

– Ну вы затейник, честное слово, не узнаю вас сегодня.

– Я теперь всегда таким буду. Моя жизнь заиграла новыми красками!

– Может вы влюбились? – опустила глазки женщина и захлопав густыми ресницами, залилась краской.

– Может и влюбился, – приблизив лицо, жарко зашептал композитор.

– Фу- фу... вы пьяны? – отпрянула от решетки Елена Сергеевна.

– Ну что вы?! – запротестовал Блинов, -Всего лишь по одной рюмочке... по две... три... Обмыли с Потаповым мой успех. Ну как ему откажешь? А?

– Вы правы, против Потапова идти, себе дороже. Но в любом случае, вот таким раскрепощенным и веселым, вы мне больше нравитесь. Держите вашу премию и вот тут распишитесь.

Лев Натаныч поцеловал полученную купюру и убрав в карман рубашки, несколько раз проверил на прочность пуговицу на клапане. -Это только начало! Еще месяц и от заказчиков отбоя не будет, уж тогда Потапов пятью тысячами не отделается!

Елена Сергеевна догнала Блинова в коридоре и запыхавшись, ухватила за руку, -А приходите ко мне сегодня вечером. Я рулет с малиной испеку.

– У вас день рождения?

– Почему у меня? У вас!

– Боже правый, как я мог забыть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.